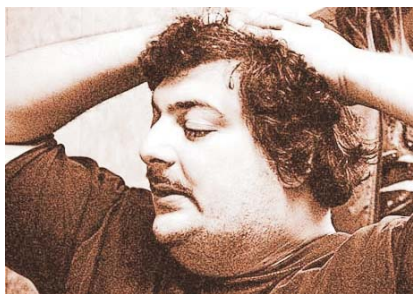

РЕНЕГАТЫ — МНИМЫЕ И НАСТОЯЩИЕ

Дмитрий Быков

Дмитрий Быков — писатель, публицист

РЖ *Уважаемый Дмитрий Львович, согласны ли Вы с фразой Ленина о том, что веховство есть энциклопедия «либерального ренегатства»?*

Абсолютно не согласен. Вообще «ренегатство», по Ленину, — это отход от активной борьбы и оправдание своих «белых одежд». Ленин — человек драки. **«Вехи» пытались пересмотреть устаревшие оппозиции левого — правого, государственного — либерального, консервативного — новаторского.** Ленину это казалось ренегатством, потому что в его системе никакие цвета, кроме радикально черного и радикально белого, невозможны. Можно спорить о том, насколько прав каждый автор «Вех». Но веховцы пытались столкнуть русскую жизнь с ее предначертанного хода, понимая, что интеллигенция впадает в революционный нигилизм и может заплатить за это самим своим существованием. Для меня «Вехи» сочетают в себе удивительные прозрения с удивительными заблуждениями — такими, как слова Гершензона: «нам надо благословлять власть, ограждающую нас своими штыками». Власть сама доводит до бунта, отсекает возможности эволюционного развития, натравливает народ на интеллигенцию, а потом выступает в роли спасителя. Странно, что Гершензон этого не понимал.

РЖ *На Ваш взгляд, являются ли те люди, которые сейчас бы сказали: «благословляем штыки, потому что иначе придет народная буря» — ренегатами интеллигенции, отступниками от заветов?*

Для меня отступники от заветов интеллигенции — это те, кто отклоняются от своей главной задачи, а именно — мыслить и оценивать. Те, кто заботятся не об истине, а о выгоде или о мнении той или иной «Марьи Алексеевны». **На наследников духовной традиции русской интеллигенции не угодишь.**

Но самое прямое отступничество — это когда интеллигенция обслуживает власть, придумывая для нее идеологические прикрытия репрессивных мер. Сегодня интересы власти обслуживает целый философский пул, который, к счастью, делает это на редкость бездарно.

РЖ *Существуют ли сейчас у интеллигенции реальные основания бояться «ярости народной»?*

Ярость народная — сильно преувеличенная вещь. Сейчас пассионарности не хватает даже на защиту элементарных прав. У интеллигенции есть основания бояться хаоса. **Как это ни печально, всякая революция есть прежде всего деструкция.** Жаль, что мы живем в стране, где кардинальные изменения возможны только таким путем.

РЖ *Можно ли говорить о том, что ренегаты интеллигенции из либеральной среды постфактум оказываются правы в своих политических прогнозах, например, люди, которые в 1989–91 годах занимали критическую позицию по отношению к происходящему? То есть кумирами следующих поколений оказываются несогласные с общим интеллигентским мейнстримом, а не те люди,*

которые следовали вначале, условно говоря, Чернышевскому, а потом, условно говоря, Сахарову.

Всегда есть человек, который сумел остаться над схваткой и сохранить себя. А есть человек, который последовательно идет до конца, занимая сторону одной из конфликтующих властей, как Окуджава в 1993. Это катастрофическая ситуация для репутации, но в ней есть своя энергетика. **Нельзя сказать однозначно, кто в 1993 году был прав — Окуджава или Максимов. Мне близка позиция Окуджавы — он пошел до конца и разделил ответственность.** Но я могу понять и позицию Максимова: он ответственность не делил, из рук этой власти ничего не получал, ее не поддерживал и в 1991 году тут не жил. В 1907 году, после краха первой русской революции, интеллигенция впадала в депрессию и раскололась. Была позиция Горького, очень уязвимая этически и эстетически: он оказался в политической эмиграции в Штатах, потом на Капри — и кричал оттуда, в какой позор превратилась русская литература, как она предала идеалы... Но имеет право быть и веховская тактика — позиция людей, которые увидели неудачу революции и попытались переформулировать главные оппозиции.

Художественный результат есть с обеих сторон. Блок в восемнадцатом пишет «12», а Гиппиус — дневник, «Черную тетрадь». Оба текста рассказывают об эпохе с равной убедительностью. Кто прав, сказать нельзя. Можно только выбирать, кто ближе. Мне ближе Блок: его ставка выше, риск больше.

Но самое опасное в таких ситуациях, когда две стороны кричат друг другу: вы предаете заветы интеллигенции. **Здесь нет правоты — есть последовательность: главная добродетель интеллигента в моем понимании. ■**

Беседовал Борис Межуев